

Глава 1.7. Сражение

Матушка Чэн бездумно подняла голову и смотрела, как невестка выходит из комнаты, очень тщательно закрывает дверь и уходит. Внутри остались лишь мать семьи Чэн и ее сын, в центре комнаты в медной позолоченной чаше с головой петуха и закрученным телом змеи легко потрескивали раскаленные угли.

Чэн Ши расслабил напрягшиеся мускулы на руках, почтительно помог матушке Чэн подняться и сесть на складной стул, даже смягчил интонации голоса – холодного и сурового, сказав:

-Матушка, вы десятилетие не видели сына, как вам кажется, сын изменился в облике?

Этой первой, с мягкой интонацией, фразой, открывающей всю его речь госпожа Сяо обучала, по крайней мере, восемь раз, и он уже чувствовал себя в полной мере достигшим нужного результата.

У матушки Чэн, только услышавшей эти слова, немедленно потекли слезы ручьем, дрожащей ладонью она гладила шершавое от прошедших лет лицо сына, с болью и негодованием в сердце:

-Ты... ты... бессовестный!

Рассматривала сына, чьи волосы на висках уже посеребрила седина, когда он уходил воевать, он все еще был жизнерадостным молодым человеком двадцати лет, а вернулся назад уже властным генералом средних лет; он спрашивал была ли она довольна все это время, в конце концов, горевала ли о чем-либо, и некоторое время мать и сын поговорили чуть-чуть, перебросившись несколькими легкими задушевными словами, однако, не успокоившись, матушка Чэн опять не смогла удержаться, и посыпались упреки.

-Ты был первенцем этой матери, плотью от материнской плоти, как матери не беспокоиться о тебе! Назло мне, ты отдал целиком все свои искренние чувства своей жене, а для этой старухи у тебя больше ничего нет! – матушка Чэн стремилась еще более и более ранить его душу. – За последнее десятилетие ты прислал только несколько бамбуковых дощечек, где, если не постоянно вспоминал о четвертой молодой барышне, только и было то, что я не в состоянии понять, и от твоего высказывания сейчас немного в замешательстве, ты... Ты, разумеется, знаешь, как я провожу...

Чэн Ши скривил губы в усмешке:

-Я мечтал написать матушке несколько фраз, однако матушка не умеет ни читать, ни писать, – заговорил об этом и поник, – я не желал позволять узнать Гэ-ши то, что я пишу матушке.

Матушка Чэн, утирая слезы, сказала:

-Ты настолько презираешь ее? Разве не... В таком случае это из-за имени?

Чэн Ши сказал глубоким голосом:

-Чуо'эр* не достигла даже двух лет и умерла, она, же ловко извернувшись, немедленно дала только что рожденной второй барышне раньше обычного имя - Чуо*, и вот я с самого утра слышу Чуо'эр, и все зовут Чуо'эр, как же мне успокоить сердце?

*автор новеллы упоминает два разных имени, хотя они и являются омонимами даже в китайском языке, но написание у них различное. Дочь Чэн Ши - получила имя Чуо □ (благоразумная), а дочь Гэ-ши назвали Чуо □, смысл этого имени сводится к обозначениям нежной позы у женщин или просто относится к слабостям женщины.

Матушка Чэн знала об этом факте омонимического звучания двух имен Чуо и Чуо, но глупая Гэ-ши полагала, что для мужчины более значим сын (матушка Чэн сама так полагала тоже), и сделала так исключительно ради того, чтобы ткнуть в сердце госпоже Сяо, откуда же ей было знать, что в действительности в итоге скорбеть будет Чэн Ши?

Крохотная девчушка, родившаяся розовенькой и беленькой, уже была похожа на госпожу Сяо прелестью и ясностью очей, к тому же от Чэн Ши ей передались густые брови и высокий лоб, в то время сын стал отцом в первый раз и бесспорно любил дитя всей душой, не сознавая было ли это правильно. После родов госпожа Сяо ощущала физическую слабость, притом что в доме было мало женской прислуги, Чэн Ши при каждом удобном случае сам закутывал малышку в пеленки и гулял с ней повсеместно, держа ее на руках. Однако, когда все случилось, для семьи Чэн настали наиболее тяжелые времена: еды и одежды хватало только на текущий момент, тем более это касалось таких вещей как питательная еда для того, чтобы поправить здоровье, и возник целый ряд событий, даже если и не обращать внимание на них, но, увы...

Грубая по своей натуре матушка Чэн только через очень много лет постепенно рассмотрела ноющую боль в сердце сына, оставшуюся от произошедшего события. Да только поразмыслив немного, она позже пришла к выводу о том, что жена сына - настолько умный человек, что вопреки ожиданиям ничего не говорила, а Гэ-ши, сознательно так назвавшая дочь, нарывается на столкновение и всё ещё не осознает этого, и ей стало очевидно насколько сильно эта женщина способна сдерживать себя.

-Я уже растолковывала твоей невестке, однако она говорит, что то имя является выражением уважения пожилому господину Гэ, ведь неудобно преступать через старшее поколение, - матушка Чэн не могла сдержаться и не высказаться в поддержку Гэ-ши, хотя также была в этом случае недовольна невесткой, но эта свадьба была ее инициативой.

Чэн Ши холодно фыркнул:

-Она только и умеет, что хватать старика, чтобы использовать его как щит, если бы пожилой господин Гэ не был бы искренним и честным, а в свое время часто бывало, что мы взаимно помогали друг другу, я бы ранее обучил второго младшего брата как отправить ее на покой!

-Хм, такая супруга, в обычные дни устраивающая скандалы на пустом месте, подстрекает и суется с разговорами, жаждет, чтобы вся семья не знала покоя - в душе испытывает большое

удовольствие, превосходная семья, но такой человек все портит! – чем больше Чэн Ши думал об этом, тем больше злился. – Несколько дней назад я отправился нанести визит второму младшему брату, и что я увидел? Полный упадок жизненной энергии, повседневные дела стали ему безразличны, похоже, будто он вообще одряхлел...

Матушка Чэн перебила его, сказав:

-Второй сын всегда был неразговорчивым, он с детства...

Чэн Ши оборвал ее, сказав:

-Неразговорчивый – это ведь не упавший духом! Пусть он с детства мало говорил, но он также лазил по деревьям и стрелял по птицам, когда я взялся за оружие, он, следуя моему примеру, общался со всеми! Если сравнивать с посторонними, разве он уступал им?! – как говорится, старший брат подобен отцу, младшие братья и сестры для Чэн Ши были подобны сыновьям и дочерям, сам он мог их ругать, но другие люди не могли смотреть на его семью с пренебрежением.

-А женившись, вот невезение, на бабе с длинным языком, ежедневно тычущую его носом, упрекающую его – это не годится, то тоже не годится, какое же начинание второго младшего брата может завершиться успехом?! – Чэн Ши ударил ладонью по крышке маленького столика, что стоял рядом со складным стулом, и маленький столик тихо заскрипел. – Я в прошлом недопустимо жаждал породниться с состоятельной семьей Гэ, но только погубил второго младшего брата.

Матушка Чэн смотрела на слегка раскачивающийся маленький деревянный столик, покрытый лаком и украшенный черными узорами с журавлем, как две капли воды похожий на тот, что она увидела в доме по соседству – доме пожилой госпожи Ван, а позже купила себе такой же у ремесленника. Пожилая госпожа Ван часто ударяла по столику кулаком в гневе, а генерал Ван, рослый детина, съезжился и благоговейно преклонял колени и бил челом по земле, не переставая кланяться в землю, слезно молил мать о прощении. Она, когда-то неоднократно видя, как пожилая госпожа Ван раздражалась, сильно завидовала ей белой завистью, всё время думала, что в свою очередь способна также заставить собственного сына. Жаль, она даже не имела благоприятной возможности использовать столик первой, зато теперь им воспользовался сын.

-По сути матушка была не права тогда, вначале я все еще колебался, говоря, что необходимо проверить поступки девушки из семьи Гэ, но матушка же поспешно согласилась со сватовством! – все вспоминал Чэн Ши и сердился, в то время он именно по причине своей женитьбы на госпоже Сяо спровоцировал у матери раздражение, в результате не решился слишком настаивать на своем мнении по поводу сватовства с семьей Гэ.

Матушка Чэн почувствовала угрызения совести, кроме того, вздохнула в глубине души – зрелый не по возрасту старший сын, с юного возраста несший на себе содержание семьи, – единственный в своём роде негласный глава семьи, но если он занимался трудноразрешимым вопросом, ему самому приходилось уделять ему внимание и принимать решение, настолько же подавлял ее, даже стукнул по столику в гневе, напустив на себя важный вид.

-Я понимаю, матушка, ради того, чтобы покрыть недостачу дяди, положила глаз на приданое младшей невестки! Младшая невестка, кроме того, еще полагает, что пища и утварь у Юаньги куплены на ее приданое, ох! Я, Чэн Ши, стою крепко на ногах и не может быть, чтобы я еще когда-то бы совершил такое – взял приданое невестки и отдал его на содержание жены! – Чэн Ши, упрекая начал с одного события, сразу же перескакивая на другое. – Ради репутации семьи Дун я еще никогда не разоблачал брата матери, ему еще следует готовиться и ожидать!

Как только в разговоре коснулись ее младшего брата, матушка Чэн повысила голос:

-Может ли быть так, чтобы ты только и смотрел, как вся семья твоего дяди умирает от голода, не в этом ли дело?!

У этих двоих – матери и сына – одинаковый и характер и внешний вид, и ревели они как хорошо сложенные молодцы.

Чэн Ши невежливо уклонился, немедленно сказав:

-Взять, к примеру, одинаковые пашни: одна семья способна получить с них десять доу* просо, дядя – лишь три или четыре доу. Ведь, естественно, сельскохозяйственное производство зависит от трудолюбия, только тогда будет хороший урожай. Дядя сам ищет легких путей, кроме того, каждая его трапеза собирается из отборных кушаний, зато откушав однажды дикорастущих съедобных растений и гаоляна немедленно прибежал к матушке, рыдая, и он ещё пользуется покровительством и имеет наглость обвинять других!

*дǒu – мера объёма сыпучих тел, равная 10 л.

Матушка Чэн с трудом оправдывалась:

-Твой дядя с детства никогда не занимался физическим трудом, к тому же его болезненность, как же ему отнестись к...

-Во всём мире абсолютный беспорядок, на окраинах всех округов и областей обменивали детей друг у друга, чтобы их съесть, а дядя все еще драгоценный! Сколько лет было моим братьям и сестрам, когда они стали трудиться? – сказал Чэн Ши холодно. – А-Сюй поднималась на гору выкапывать дикие съедобные растения, а в то время ей было четыре или пять лет, и однажды, дикий волк чуть ли не унес ее в зубах, и все ее десять пальцев были в царапинах и ссадинах, не было ни одного здорового, а вечером еще нужно было учиться шить, держать иголку в руках, страдая от боли даже во сне, она не могла заснуть, но не было видно из-за этого мучений у матушки!

Естественно, финансовое состояние семьи тогда было трудным, в итоге неизбежно натерпелись и старший сын, и старшая дочь, матушка Чэн не могла с этим спорить, поторопившись, она уцепилась за другое:

-Сяо Фэн! Он также только ест и не работает, ты не только поставил его на ноги, но и отдал его учиться и женил!

Чэн Ши также повысил голос:

-В семье Сяо в то время случилось несчастье, сколько было лет А-Фэну? Даже в сравнении с третьим братом, который младше его, в то время мы как минимум не умирали с голоду, я даже не мог отпустить от себя третьего брата, чтобы отдать его на работу, как я мог заставить трудиться А-Фэна?! Да, а вот сколько лет дяде? А сколько лет А-Юну, младшему двоюродному брату, обжоре и лентяю? Опасаюсь, что он даже рассаду не в состоянии разобрать!

Матушка Чэн, затаив глубоко ненависть, сглотнула и, не переводя дыхания, сказала:

-Ладно, все это справедливо, но ты кроме того помог восстановить семью Сяо! Семья Сяо совершенно пришла в упадок, была в плачевном состоянии, поместье ранее было все сожжено целиком, но, негодный ты сын, ты все равно собрался заново отстраивать его, поднять на ноги...

-Матери незачем упрекать! - проворно оборвал ее Чэн Ши, сказав: - Определенно, опять эта сплетница Гэ-ши что-то наговорила тебе!

Матушка Чэн отвернулась, не смотря сыну в глаза. Чэн Ши пренебрежительно сказал:

-Я не боюсь рассказать матери - я не только помог А-Фэну восстановить поместье семьи Сяо, кроме того выкупил достаточно много пашен, проданных и заложенных семьей Сяо в те года, а в случаях, когда был способен, даже разыскал старых слуг семьи Сяо и тоже всех выкупил!

Матушка Чэн, задыхаясь от злости, указывала на сына:

-Ты, ты...

Чэн Ши самодовольно сказал:

-В прошлом Юаньши сказала, что в будущем она выйдет замуж только за того мужчину, кто будет способен помочь ей возродить семью Сяо работая как вол, и если бы я не был способен на это, то она в другом месте нашла бы другого, ушла к нему и вышла замуж! Я - согласился, - при воспоминании о трудностях жены в то время на лице Чэн Ши появилась жалость, а голос стал мягким: - Можно ли не сочувствовать Юаньши? Выдающаяся дочь семьи Сяо, тем не менее, вынужденно доведенная до такой доли в прошлом...

Матушка Чэн была раздосадована, и своим бойцовским кулаком изо всех сил ударила в плечо сына:

-Ты никчемный! Замужняя женщина, вышедшая второй раз замуж, потерявшая все, все имущество семьи или распродано, или отдано в залог, а ты все еще настолько ею дорожишь! Если она не выйдет за тебя замуж, кретин, за кого еще она может выйти?

-Я как раз высоко ценю! - Чэн Ши, схватившись за ноющее плечо, совсем не придавая значения боли, сказал: - В первый раз я увидел ее в детстве, в поместье семьи Сяо, и сразу же высоко оценил ее первым, помимо ее я никого не хотел брать в жены, и только благодаря

наставшему во всём мире хаосу все и произошло, в противном же случае у меня вряд ли где-то была бы своя доля счастья!

Сменив тему разговора, он снова сказал:

-Мать, не говори подобных снисходительных фраз, семья Сяо пусть и разорилась, но, и раньше я размышлял об этом, и, по-видимому, не было никого кто бы взял Юанъи в жены. Ты считаешь ее кем-то вроде А-Си, за которую дважды пришлось доплачивать так много приданого, ведь только тогда ее одобрили и она ушла отсюда.

Коснувшись в разговоре младшей дочери, матушка Чэн упала духом, только и могла вздыхать о своей доле.

Чэн Ши следом вымолвил:

-Юанъи является выдающейся женщиной, делает то, что сказала, в течение этих последних лет она, следуя за мной, сквозь ветер и дождь, рискуя жизнью, спасала столько раз висевшую на волоске жизнь, благодаря Юанъи я выдержал и все прошел!

-Да-да-да, на земле и на небе только твоя жена - единственная, самый-самый лучший человек! - сказала матушка Чэн в порыве злости, пусть даже понимала все в действительности, она не была склонна соглашаться, признавая поражение, и была сильно взбуродоражена.

-Юанъи, само собой, разумеется хороша! - сказал Чэн Ши во весь голос. - Мать, подними голову, выйди наружу и осмотришься, ныне такое количество генералов совершили великие дела и возведены в ранг хоу, но из десяти семь прежде творили произвол в деревнях со своим многочисленным семейством, если не торговали, то были состоятельными и были выходцами из известных родов, оставшиеся трое хоть по социальному происхождению бедняки, всё же рано включились в борьбу за его величество, совершали большие подвиги, следуя за государем. А как же наша семья?

Матушка Чэн понимала, что эти слова не лживые. Через стену от них жила семья Ван, изначально бывшая одним из крупных и знатных родов в этом округе и местности, покойный отец генерала Вана оставил после себя большие богатства, а в других местах пашни и челядь, именно этот капитал благосостояния семьи и увеличивал генерал.

-Даже взявшись за оружие, опираясь на важное лицо, всем все равно требуются деньги. Допустим, я способен призывно взмахнуть рукой и созвать немного воинов, однако денежное довольствие, провиант и фураж, ранения солдат и офицеров, и разве можно смотреть, как их сироты и вдовы умирают от голода? Разве не охладает в душе, увидев это, посторонний? Наша семья прежде - это крестьянский двор с некоторым излишком продовольствия, откуда мы можем позволить себе изыскивать средства! - Чэн Ши вспомнил о первоначальных трудностях, голос его сорвался: - Захватывая крепости, пусть и с чем-то в качестве трофеев, а еще и с данью от зажиточных семейств, пусть так, однако невозможно было грабить нищих, ведь в одночасье могла испортиться репутация, да и в этом случае ты ничем не отличаешься от бандитов и грабителей!

-Как нарочно в нашей с вами деревенской семье не было выдающихся личностей, и ладно бы государь, но ведь и рядом не было никого из тех нескольких героев, пользующихся популярностью в Поднебесной, – относительно географического положения родного края Чэн Ши тоже весьма печален, он не был честолюбивым человеком, в прошлом только думал: поспешно найти какого-нибудь заслуживающего доверия лидера, отправиться к нему, прилежно стараясь, обеспечить таким образом часть лежащего впереди будущего. Вполне понятно, что это его родной край, и горы, и волшебные красивые пейзажи реки, так почему бы не суметь стать первым из старших отсюда?

-Следуя за захватившим власть в Поднебесной императором Ли отважные мужи, во всяком случае, рассчитывали многое получить, но, до того, как я завязал дружбу с генералом Ваном, почти лет десять, разворачивающие и поднимающие знамя восстания люди были более-менее тихо уничтожены. Еще вчера они были живы – пили вино, ели мясо, окружали себя привлекательными женщинами, тогда как сегодня их головы вывешивались на городских воротах под либо на древке знамени. В ходе военной смуты всех членов семей они ведь бросили, последние даже умерли не своей смертью. Юаньги напротив говорила мне, что нельзя следовать по пути разбойников или просто-напросто гнаться за кратковременной наживой, все это будет иметь много скандальных последствий, и лишь на короткое время гарантирует успех таких методов.

Чэн Ши поднялся с места, расхаживая туда и обратно внутри комнаты, при этом его голос стал более сильным:

-В то время, получив каждый грош, мы должны были быть ещё более внимательными, рассчитывая расходы, собирались ли мы тратить, приводя в порядок оружие, крепостные стены или желая помочь встать на ноги раненым и больным, а ведь еще нужно было повсеместно привлекать к себе способных и образованных людей! У нашей семьи не было ни громкого имени, ни хорошей репутации, с чего бы вдруг героические личности должны были бы прийти и влиться к нам? Из-за того, что мы доброжелательны, заботимся о своем народе и любим своих солдат как сыновей?! Сама Юаньги была не в силах есть, не в силах одеваться, даже возвращала приносимую ей шелковую ткань, парчу, собираясь нести ее и менять на провиант и фураж. Если бы не это, Чуо`эр... Чуо`эр тогда бы никогда не...

При мысли о старшей дочери у Чэн Ши невольно возник спазм в горле:

-Вот так, противостоя бандитам и рассеянным разбойничавшим остаткам разбитой чужеземной армии, попутно умиротворяя деревни, мы и жили, и вот в округе и нескольких уездах и областей влиятельные дома и простой народ стали легко узнавать меня в лицо и запомнили имя. Вот только тогда я мало-помалу заложил себе основу, так и не достигнув участи какого-то разбойника. Мать всегда чувствует, когда сын при деньгах, но я не склонен просто вытаскивать их и отдавать матери на ее траты, однако ей вообще неизвестно насколько для сына тяжело было их добыть!

Матушка Чэн на самом же деле была совсем не алчная, но она видела собственными глазами, что после того, как госпожа Сяо вошла в дом, все, прежде бывшее под его контролем, – все, что можно, сын передал в управление госпоже Сяо, и в ее сердце зародилось чувство зависти, не более того. Все эти аргументы она слышала ранее, да вот всегда ощущала, что ее сын только отговаривался и отдал деньги под контроль жене – так ему было удобней, но постоянно

отнекивался от передачи их матери, вот почему она все больше и больше злилась. В этот раз, видя, как на глазах у сына заблестели слезы, кажется, она всё же поверила процентов на девяносто. Матушка Чэн, шевеля губами, вымолвила:

-Разве после несколько знаменитых генералов не приезжали привлечь тебя на свою сторону?

-Привлечь к себе?! Ага, всего-то козлом отпущения! – холодным голосом сказал Чэн Ши. – Прежде чем я встретился с генералом Ваном, я столько раз нес потери. От тех генералов, создававших впечатление о себе и ставивших себя высоко над какой-то славой, но как только они узнавали о том, что я происхожу из низкого сословия, совсем переставали воспринимать всерьез. Хорошая репутация всё еще может умножать сокровища и являться для «призыва государя совместно обсуждать важные дела», держаться надменно, да лишь сыпать словами в пустой болтовне, как только появятся дани* провианта и фуража, сразу вызывают меня и, когда я отправляюсь к ним, только лишь слушаю приказы, заставляющие выполнять их дела!

*□ dàn или shí дань, ши – мера объёма, равная 10 доу, или около 103,54 л или мера веса, равная 120 фунтов, или около 71,6 кг. Еще данью измеряли единицу исчисления оклада чиновника, размер его кормления, было это около 0,35 доу риса.

Чэн Ши пристально смотрел на матушку Чэн, промолвив:

-Хорошо, что Юанъи так проницательна и заранее подготовила про запас меры безопасности. Она говорила мне «легко идти напролом, но трудно достойным государственным мужам выбрать хозяина», конечно, не следует легко доверяться и членам семьи, вот почему, тогда матушка со всеми от начала и до конца пряталась среди односельчан. Предположим, что все пошло бы не так как задумано, тогда я с Юанъи немедленно бы сбежали на легком коне, не привлекая внимания. Вот так матушка и было целыми днями напролет, вместо того, чтобы жаловаться на сына, который «просто-напросто, имея около себя Юанъи, живет счастливо, но заставляет родителей и братьев находиться в сельской местности и тяжело трудиться»! В дальнейшем я завязал знакомство с генералом Ваном, и разве не привез вас как можно быстрее из деревни?

Матушка Чэн была очень толстокожа, но наконец-то и она полностью покраснела от стыда, смущенно сказав:

-Неудивительно, все эти годы сын почему-то в любом случае оставлял нашу семью рядом с семьей Ван.

-Юанъи наблюдательна, прежде она присматривалась к нескольким «истребляющим бунтовщиков главным полководцам» несколько дней и говорила после, что те не годятся. И дело не в том, что глаза их велики, а сердце пусто, даже злое сердце и жестокие руки не удержат под контролем своих подчиненных. Исключение – генерал Ван, пусть едва ли он был признан лучшим талантом, однако его пылкость и смелость, великодушие, щедрость и гуманное отношение к людям отличали, и я стал верно поддерживать его. Вдвоем мы бы смогли выжить в эти беспокойные времена благодаря объединению сил. Если бы не это, то не дождались бы того дня, когда бандиты сдались государю.

Говоря о достоинствах жены, Чэн Ши прямо-таки разозлился, но храбро и рационально принялся убеждать матушку Чэн:

-Семья Ван является в уезде Суй самым важным и знатным родом, нельзя также не считаться с той частью армии, которая находится в подчинении генерала Вану. Пожилой госпоже Ван, само собой, глава семьи оставил больше сотни охранников для защиты, и обычный злодей и бандит даже приблизиться не могут к ее телу, стражи вполне хватает и женской части семьи. Юаньги уговаривала меня, раз уж с генералом Ваном все завершилось успехом, принести клятву верности союзнику, скрепив узы по-братски, не лишне было бы и семью, и младших передать на его попечение, поскольку тогда можно оставаться спокойными, к тому же проявить этим свои искренние помыслы, и обе стороны извлекли бы для себя выгоду.

Переходя к другому, Чэн Ши сделал паузу, твердо посмотрел на матушку Чэн, и сказал:

-То, что семья Чэн сегодня в состоянии иметь, является большой заслугой Юаньги, в то время я еще внутри армейской палатки принес торжественную клятву - если в нынешней жизни подведу Юаньги, потерпев поражение, то умереть мне мучительной смертью!

Он чувствовал, что ясно объяснил свою точку зрения, откуда ему было знать, что матушка Чэн набралась терпения, позволяя сыну хоть полдня хвастаться женой, она, естественно, вогнала свой нрав в раковину подобно устрице, но уже просто не могла сдерживаться, в итоге досада на некоторых людей, которые пошли на принцип и вернулись, чтобы додаться ей, даже, когда в душе и в сердце она уже проявила покорность, все же на словах не была склонна признать поражение.

В настоящий момент чувство ревности матушки Чэн поднималось ввысь, она даже забыла о брате Дуне, злобно проговорив:

-Ты начинаешь говорить о Юаньги и заканчиваешь говорить о Юаньги, тогда как же мать? Ты в конце концов задумывался справиться у матери, как хорошо ей живется все это время?!

-Матушка хорошо питается и одевается, живет в богатстве и почёте, что же не так? - жаль, что в этой жизни всю имеющуюся нежность и заботу, даже в мелочах, он всю тратил на Сяо Юаньги, единственного человека в его душе, и совершенно не понимал чем матушка в конце концов недовольна.

Матушка Чэн едва не расплакалась от досады:

-Среди своих пятерых детей я сильнее всего люблю третьего сына и тебя, однако вы двое, вступив в брак, потом только и заботились о женах, такую чушь мелете, даже всего лишь в разговорах о жене, и больше не обращаете внимание на мать! В детстве как что, так к матушке по пустякам, теперь же я заброшена, отчего же мне жить хорошо?!

Матушка Чэн по происхождению была крестьянкой, совсем не боялась тяжело трудиться и переносить тяготы, сын же с тех пор, как взялся за оружие, не говорил с ней о своих делах, и она находилась в совершенном неведении, госпожа Сяо же напротив постоянно была вместе с

ним или около него, не было ничего, чтобы она не знала, поэтому пожилая женщина казалась сама себе посторонним человеком.

Чэн Ши полагал жалобы матушки Чэн непостижимыми:

-Так было всегда - мужчина женится. Ведь даже, если сто лет спустя, мать и отца все равно похоронят в одной могиле, сыновей с женами тоже, как супружескую чету, предадут земле рядом.

Выговорив это, он остановился, Чэн Ши посмотрел на выражение затаенной обиды на лице матушки Чэн и «очень умно» понял все по-своему:

-После того, как отец покинул этот мир, матушка часто бывает тихой, сын понимает. Не знаю, есть ли у матушки человек по сердцу, если так, почему бы не выйти повторно замуж? - он думал про себя - лишь бы мать была довольна, даже если он покроет деньгами множественную недостачу, собрать некоторое приданое не проблема, всегда надо вызывать у матери радость, особенно на склоне лет.

Глаза матушки Чэн изначально влажные как весь тропический лес в Южной Америке, сразу же высохли, став пустыней Сахарой, гневно смотрела она огненным взглядом на сына.

Чэн Ши, кроме того, чувствуя себя очень хорошо и самым великодушным сыном, сказал:

-Матушке незачем стыдиться, матушка ради семьи Чэн занималась физическим и умственным трудом, все дети обратили на это внимание, если матушка хочет снова выйти замуж, сын и два его младших брата абсолютно не возражают. Более того домочадцы семьи Чэн еще малочисленны, если боги окажут помощь, в будущем матушка может родить вновь младшего брата и сестру, это тоже благое дело, сын обязательно будет обходиться с ними как с детьми от родного отца!

В конце концов матушка Чэн потеряла всякое терпение, подняв маленький черный лакированный стол из дерева, с силой швырнула в Чэн Ши:

-Ты паршивец, катись прочь отсюда! Если в будущем ты первым покинешь этот мир, эта старуха обязательно разыщет для твоей жены хорошего мужчину и повторно отдаст ее замуж, чтобы та родила ему табун новых детей!

Именно это была последняя фраза задушевного разговора между матерью и сыном, не видевшихся более десяти лет.

.....

В стороне, точно в это время, Цин Ли разминала плечо госпоже Сяо, услышав как из недалеко доносились с интервалами невнятные крики, с улыбкой сказала:

-Господин и пожилая госпожа все же такие горластые, и неизвестно о чем договорились, лишь уповаю, что пожилая госпожа сменит гнев на милость, родичам все-таки следует быть вежливыми и дружелюбными, только так и будет правильно.

Госпожа Сяо, поднимаясь с места, чуть-чуть скривила уголки губ и сказала:

-Все так тривиально, ранее требовалась жестокость, ныне как раз последует мягкий подход. Я заставляю господина много раз хвалить свекровь за все годы упорных трудов, больше говорить о том, как мать и сын жили, поддерживая друг друга, мало упоминать о моей семье Сяо, но родная мать и сын оба чинят друг другу всякие препятствия.

Цин Ли радостно улыбнулась:

-Госпожа такая мудрая, господин в этот раз несомненно сделает все как следует.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2650104>